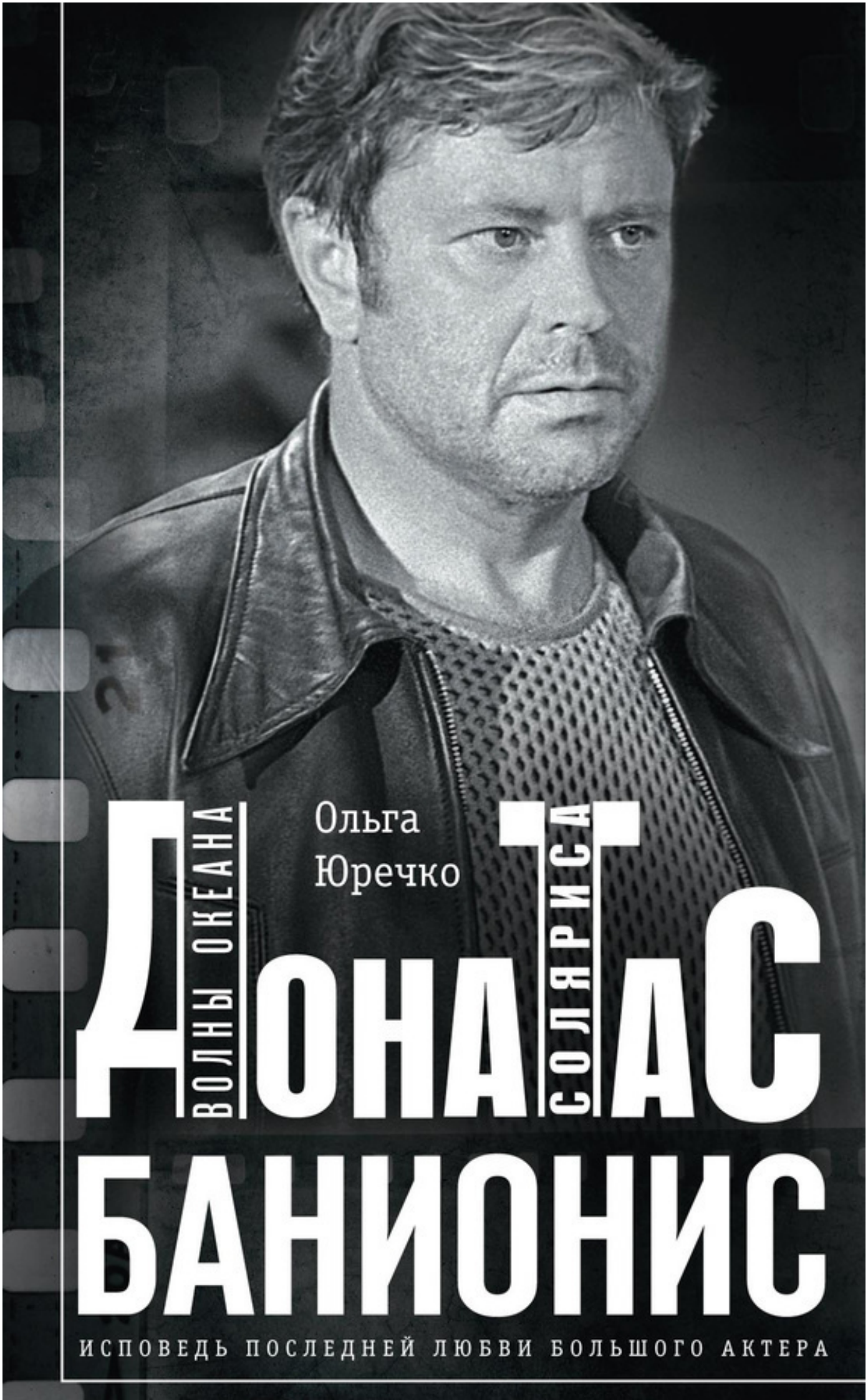

Ольга Юречко

Донатас Банионис

Волны океана Солярис

Исповедь последней любви большого актера

Ольга Юречко

Донатас Банионис. Волны Океана Солярис

«Центрполиграф»
2017

УДК 82-3
ББК 84

Юречко О. Н.

Донатас Банионис. Волны Океана Соляриса / О. Н. Юречко — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-06627-5

Последняя любовь известного актера Донатаса Банионисa – Ольга Юречко, простая учительница из Минска, жизнелюбивая, сильная духом личность. Она была поклонницей Донатаса с юности, всю жизнь мечтала о встрече со знаменитым актером, и только в зрелом возрасте ее мечте суждено было осуществиться. Совершая очередной велопробег по Европе, Ольга вспомнила о кумире своей юности и, повинуясь сиюминутному, судьбоносному порыву, заглянула в гости к актеру в Литву. За четыре года общения с Донатасом юношеская влюбленность Ольги, пронесенная ею через всю жизнь, переросла в настоящее чувство, основанное на глубокой духовной связи. Но не все было гладко в отношениях двух людей, встретившихся так поздно…

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-227-06627-5

© Юречко О. Н., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Ольга Юречко
Донатас Банионис.
Волны Океана Соляриса

Я еще не знаю, что будет с нами. Допускаю, что все это плохо кончится. Но мне все равно. Ведь важно только то, что я говорю, а ты слышишь меня. Понимаешь?
Станислав Лем. Возвращение со звезд

…Мне шестнадцать лет. Солнечный летний день. Смотрю в окно. Ветки дерева, растущего у дома, касаются окон. Золотистый свет солнечных переливов, мелькающий на листьях, завораживает. Все зыбко, неуловимо.

Скорее на улицу. Там цветы: желтые, белые, красные. Вдыхаю запахи лета.

– Пошли в кино, – приглашает подруга.

– Пошли.

В руке волшебный билет-пропуск в Большой зал кинотеатра. Зрители усаживаются. Гаснет свет. Тишина. Ты уже в другом мире. Главную роль в фантастической картине исполняет известный актер. Многое в фильме для меня непонятно, но не могу оторваться от экрана. Невозможно забыть глаза актера. Через много лет произойдет с ним Встреча. А МЕЖДУ ФИЛЬМОМ И ВСТРЕЧЕЙ ПОЧТИ СОРОК ЛЕТ. ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ.

Глава 1

…У меня взрослые дети, работа в школе преподавателем. Где те Париж, Венеция, остров Готланд, Паневежис, прославившийся спектаклями своего знаменитого театра? Только в мечтах. Писатель Александр Грин в своих произведениях воспел веру в осуществление Мечты, сказав, что Несбывшееся зовет к себе. Я верю – значит, все возможно: встречи и путешествия…

Люди путешествуют пешком, на автомобилях, самолетах, кораблях, парусных судах, а я благодарна другому творению рук человеческих – велосипеду. На нем я проехала Францию, Германию, Люксембург, Польшу, Литву, Швецию и Россию. Путешествия наполнили жизнь радостным ощущением открытия нового мира, но в какую-то минуту я осознала, что этот мир не так огромен, как я себе его представляла, и что для меня самые красивые на земле места те, где я родилась и выросла.

…Мой первый велосипед к поездкам на дальние расстояния был не приспособлен, и, чтобы добраться в город на работу из деревни, в которой я жила, приходилось тратить время и силы. Однажды кто-то из коллег посоветовал мне принять участие в международном велопробеге, отправив заявку его организаторам, и во время своего отпуска я присоединилась к его участникам. Правда, пришлось заменить старый велосипед скоростным. Осваивать его, стараясь не отставать от тех, кто годами занимался велотуризмом. Такие расстояния, подъемы и спуски преодолевать ранее не приходилось. Сжав зубы, я терпела. Мой дебют на этом поприще был оценен похвалой, и я поняла, что смогу больше, смогу проехать от Парижа до Москвы. Что у меня и получилось за пятьдесят три дня. *«Эх ты, бродяга,* – сказала я тогда своему велосипеду, ступив на брусчатку Красной площади, – *спасибо, что довез!»*

…Во время одного из велопробегов по Германии я неожиданно для себя приняла решение оставить группу, попутешествовать несколько дней самостоятельно, а потом на автобусе уехать в город, где жил Донатас Банионис. Сорок лет, прошедшие после встречи с ним на экране в *«Солярисе»,* были для меня временем осознанного притяжения к его творчеству. Жизнь проходит, вспоминаешь родителей, друзей, тех, кто тебе дорог, и почему-то фильмы, на которых мы выросли: *«Мертвый сезон», «Гойя», «Бегство мистера Мак-Кинли».* Он был не просто кумиром, кем-то большим для нас. Человеком, которому веришь и которого уважаешь за духовность и человечность в искусстве.

«Когда еще попаду в Европу и будет ли у меня виза на следующий год? – подумала я. – *Вдруг не успею. Все мы не вечны. Попытаюсь найти его».*

Как я решилась на такой поступок, и сейчас объяснить себе не могу.

…Добираюсь до Кельна. Переночевать можно и на железнодорожном вокзале. Никто не обратит на тебя внимания, люди приезжают и уезжают. Здесь, в многоликой и разноязычной толпе, воспринимаешь себя гражданином мира. На привокзальной площади возвышается над городом готический собор, напоминая о божественности мироздания, суетности жизни, ее мимолетности. Готика – лицо европейского христианского Средневековья, всеобщая сосредоточенность на Боге, устремленность к нему. При взгляде на такую архитектуру душа замирает. Ощущаешь силу этой веры, осознаешь четкость представлений людей о миропорядке и о смысле жизни, состоящем в сохранении самого ценного, что есть у человека, – его бессмертной души. Такая вот философия!

На вокзале – встреча с друзьями из группы велопробега. Они направляются в аэропорт, через пару часов рейс на Москву, у меня в планах завтрашний день потратить на велосипедную прогулку вдоль Рейна, побывать в Бонне. Прогулялись по вечернему городу. Пообщались с бывшими соотечественниками. Услышать русскую речь на чужой земле было неожиданно.

Судьба благосклонна ко мне, с благодарностью принимаю приглашение, ночую у приютивших меня людей, а утром на велосипеде отправляюсь в Бонн, туда, где родился и провел свои юношеские годы Бетховен. Мои представления о том времени в каких-то картинках из прочитанного: старый провинциальный городок с узкими улочками и тесно прижатыми друг к другу домами, готические шпили соборов, снующие по улицам экипажи… ратушные часы с движущимися фигурками. Увиденное в чем-то совпало с воображаемым, когда я оказалась в центре Старого города: на Рыночной площади и на улице Боннгассе у Дома Бетховена.

К вечеру возвращаюсь в Кельн. Автобус на Вильнюс отправляется через двенадцать часов.

Полдня, ночь в пути, утром я в Вильнюсе.

Отыскать даже известного человека в чужом городе, не зная адреса, почти невозможно.

Поступила, понадеявшись на чудо. Поехала на велосипеде в направлении к центральному проспекту. Поплутала по улицам Старого города… и вдруг увидела актерское агентство. *«Случайность – язык бога, прислушайся и иди»,* – убеждаю я себя. Зашла в какую-то комнату. Спросила у молодого человека:

– Есть ли возможность встретиться с Донатасом Банионисом? Хотелось бы поблагодарить его за незабываемые фильмы.

– Он в очень преклонном возрасте. Примет ли?

Мое умоляющее выражение лица, по-видимому, вызвало у него желание помочь.

– Позвоню ему. Подождите.

Жду.

– Приезжайте к двум часам. Вот адрес.

– Большое спасибо.

Когда у меня в руках оказался листок бумаги с адресом, я почувствовала, что мой энтузиазм и силы иссякают… Но отступать было поздно. Я добралась до нужного дома, присела на камень во дворе и просидела на нем около часа, пытаясь успокоиться. Что я скажу? Банальные слова? А разве они банальны: БЛАГОДАРЮ, ВОСХИЩАЮСЬ, ПОМНЮ?

…С велосипедом поднимаюсь на площадку. Открывается дверь. Донатас Банионис! Пытаюсь уловить что-то знакомое во взгляде, вспоминая его героя Криса Кельвина. Приветливая улыбка. Доброжелательность. Испытываешь робость, волнение, разговаривая с ним. Потом все проходит. В первую минуту знакомства удивляешься голосу, ведь мы, зрители, соотносили его голос с голосом актера-дублера. Непривычно-незнакомый, чуть резкий, мгновенно изменяющий восприятие того человека, которого я столько раз видела на экране. Я в одной из комнат, похожей на кабинет. Присаживаюсь на диван. Перед глазами шкафы, заполненные книгами. На стенах комнаты – картины, фотографии… Стесняюсь рассматривать их. Привлекают внимание фотопортрет знаменитого режиссера и двойной портрет самого актера, нарисованный художником. Сколько же ему здесь лет? Предположительно пятьдесят. Кажется, мое волнение передается женщине рядом с ним. Слушаю его рассказ о съемках у Тарковского, рассказываю о своем путешествии… Двадцать минут общения, но могла ли я тогда подумать, что через год буду стоять на пороге его квартиры с тем же ощущением нереальности всего происходящего и какой-то предопределенности.

…Пора уходить. Подарила Донатасу красивую салфетку, поблагодарила за творчество, пожелала здоровья. В комнате и во дворе дома, рядом с огромной клумбой цветов гортензии фотографируемся на память, прощаюсь.

– Есть ли вам где переночевать? – спросил Донатас.

Что я могла сказать? На автобус опоздала. Где ночевать, не знаю.

– Все нормально. Не беспокойтесь. До свидания.

«Или прощайте!» – подумала я.

Завернула за угол дома. Постояла у его стен. Ком подступил к горлу. В эту минуту я рассталась с мечтой, потому что она сбылась. Собравшись с силами, поехала в сторону вокзала и оказалась у православного монастыря. Когда-то, в давние времена, монахи давали приют странникам. Может быть, и мне повезет?

– У нас принимают только паломников. Почему вы не в гостинице?

– Негде оставить велосипед. Опоздала на автобус. Извините, может, я какую-то работу сделаю?

– Идите за этой женщиной, она покажет вам комнату.

Я закрепила на замок свой велосипед у дальней ограды монастыря, в комнате положила вещи у тумбочки, и мы с Иоанной отправились полоть клумбы. Потом почистили картошку в трапезной. Меня накормили ужином.

…Утром я уехала на автобусе домой, храня в памяти воспоминания, а в блокноте листок с адресом и открытку с автографом: «НА ПАМЯТЬ О ПРИЯТНОЙ, ХОТЯ И НЕОЖИДАННОЙ ВСТРЕЧЕ. ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ».

…Для меня счастье – это мои дети и мое желание, чтобы они всегда были рядом. Я беспокойная родительница. Пока дети не выросли, не отпускала их от себя ни на шаг. Столько опасностей вокруг: лес, речка, озеро, чужие люди: *«Не садитесь в машину к незнакомцам, не уходите далеко от дома, не ныряйте на озере».* Не… не… не… Замучила нравоучениями. Им же, как и всем любознательным мальчишкам, хотелось свободы. Что это за детство без походов на речку, да и какими могут быть мальчишки, если не фантазерами и непоседами. Меня радовало то, что они росли добрыми и независтливыми, не жадными. Но учиться ленились. У Максима склонность к музыке, у Сережи к рисованию и пению. Старший сын дружил с бабушкой, младший – с дедом. Дед учил его петь старинные романсы, которые исполнялись вдохновенно и со знанием дела, и еще Сережка хорошо рисовал. Помню, какое потрясение я испытала, увидев его рисунок старого деревенского дома. Ощущение фактурности бревен, фотографическая точность изображения и в то же время какое-то недетское проникновение в суть изображаемого. Максимка поступил в музыкальную школу. В доме зазвучало пианино. Одно время я не верила в его способности. В музыкальной школе больших успехов не было, не бросил бы занятия. Но я ошибалась. Погруженная в материальные проблемы семьи: накормить детей, одеть, обуть… многое не замечала. Глубокий интерес к литературе и, со временем, к музыке у Максима.

«С детства, сколько себя помню, я читал. Все, что было дома, приличная библиотека, или брал у друзей», – написал он в своем дневнике. Эти записи я нашла недавно, перебирая в доме его бумаги. Сережа спросил у меня:

– Мама, знаешь, с какой книгой Максим не расставался в последнее время?

– *«Мастер и Маргарита»?*

– *«Герой нашего времени».*

«Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные».

Почему Лермонтов?

Обостренное чувство восприятия мира.

Ранимость.

Разочарование в людях.

Внутреннее одиночество.

Пытливый ум.

«…И не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно».

Из дневника сына:

«Сажусь за пианино. Долго думаю, не решаясь положить руки на клавиши. Потом нажимаю на ля минор. Именно такое щемящее чувство будит во мне осень. И вот я уже не замечаю, как начинаю играть какую-то ненавязчивую грустную мелодию…»

Максим играет на пианино. Устраиваюсь в уголке комнаты. Слушаю. Как у него так получается выразить свое настроение, душевные переживания, что я чувствую это? Когда дети были совсем маленькими, укладывая их спать, я пела им песни или ставила пластинки с музыкальными сказками. Максим долго не засыпал. Одна сказка, другая… все не спит. Может быть, из тех времен эта эмоциональная отзывчивость в нем?

– Сыграй, пожалуйста, *«Над радугой»*. Никак не запомню имя исполнителя песни.

– Камикавивооле.

– Я запишу.

– Мам, послушай вот это. Тебе понравится. Музыка стала частью нашей жизни. Я готовила мероприятия в школе, а Максим помогал мне, исполняя по памяти классику и произведения современных зарубежных композиторов. Первым таким произведением, сыгранным им для аудитории, стал саундтрек к фильму *«Секретные материалы»*.

В одном из велопробегов по Европе участвовали и мы. В машине сопровождения везли электропианино, учитель музыки, Кристиан, вечерами играл на нем, и Максимка присоединялся к нему. В протестантской церкви немецкого городка Максима попросили исполнить на органе «*Аве, Мария»* Шуберта. Я очень волновалась тогда за него. Получится ли хорошо сыграть без нотного текста? Получилось. Люди благодарили его, и я чувствовала себя счастливой. Я гордилась им. После развода у меня появился комплекс вины за то, что дети остались без отца. Причина разрыва отношений – абсолютно разные интересы и жизненные установки. У него, как оказалось, сорок дорог, у меня одна – к детям. Раньше я не понимала этого. Заморочил мне голову выдуманными историями о своих благородных поступках, я и поверила. В реальности же благородство оказалось показухой. Какое-то время переживала – потом успокоилась. Со временем осознала, что и переживать-то было не за кого: ни отцовских чувств, ни ответственности за судьбу детей. Если быть справедливой, то надо бы выслушать и другую сторону. Нашлась бы и у него какая-то своя правда, как говорят в таких случаях. Дети всегда поддерживали меня в трудных ситуациях. *«Мама, в тебе столько энергии, ты сильная»,* – говорили они мне. Сильная? Но эта энергия разрушала меня.

И тогда я писала стихи. Выплескивая из себя то, что было внутри души, – грусть и нерастраченную нежность. О том, чтобы устроить личную жизнь, я и не думала. Найти свою вторую половинку такая редкость, а строить отношения ради игры не в моем характере. Я ПРОСТО ЖИЛА. Работа, дом, дом, работа, но проходило время, и память оживляла воспоминания: печаль, радость – все наше. Мы были неразделимы: Максим, Сережа и я. Смотрели фильмы, ходили в походы на археологические раскопки. Смотрели в телескоп на туманность Андромеды, лунные кратеры… встречали праздники и делали ремонт в квартире, радовались друг за друга, переживали, бывали и споры между нами, обиды. Один раз я ударила Сережу. За то, что сломал стул. А он посмотрел на меня таким растерянным, беззащитным взглядом, что я поняла: больше этого никогда не будет. Я опекала их до мелочей, тряслась над ними, вырастить детей в неполной семье не просто. Без всякой поддержки пришлось выживать на мою учительскую зарплату, какие-то дополнительные заработки репетиторством, контрольными работами для студентов. Два раза бывший муж передал через посторонних людей деньги. Я посоветовалась с детьми, и мы решили купить новый телевизор. Больше никакой помощи от него мы не видели. Когда дети выросли и уехали в город – жизнь моя перевернулась. Я возвращалась с работы в пустой дом, и сердце сжималось от тоски по ним. Не могла привыкнуть к одиночеству в доме. Все не так. Беззвучие. Без музыки, без наших разговоров… Впрочем, нашлись силы, чтобы не впасть в уныние. Книги, фильмы… по вечерам отвлекали. Я сосредоточилась

на книгах по искусству, в школе ввели новый предмет, мировую художественную культуру, и мне предложили его преподавание. Попала в свою стихию. Но не хватало знаний, да и специфика предмета – мышление в образах, познание действительности через настроение, переживания творческой личности, тайны его души, требовала ежедневного настроя, особого подхода к урокам: знать – понимать – ЧУВСТВОВАТЬ. Перевоплощения, как в театре, забываешь себя. После окончания школы у меня была попытка поступить в театральный институт во Владивостоке. Подготовила басню, отрывки из произведений Шекспира и Александра Грина… Провалилась на первом же туре. Оцепенение какое-то напало во время экзамена. Комиссия рассматривала меня, а я их, минут пять, чуть не убежала. Но собралась с силами и со слезами на глазах рассказала историю – басню несчастного слона-живописца… После этого провала ко мне подошла из приемной комиссии женщина и предложила помощь в подготовке к экзаменам на следующий год. Я запомнила ее имя – Лариса Дмитриевна Курбаткина. Через год от очередной попытки поступления я отказалась, не мое. Очень я стеснительная, скованная, лучше получу гуманитарное образование, а потом попробую поступить на киноведческий факультет. Но человек предполагает, а Бог… Появились заботы гораздо важнее того, что я для себя когда-то определила, – заботы о детях, и это было самое счастливое время в моей жизни.

Длинная короткая жизнь, в одну строчку вмещается прожитое: детство, учеба в институте, замужество, рождение детей, развод, уход из жизни родителей… Пережить это было нелегко. Мамы не стало, когда мне было тридцать семь лет, отца – сорок пять.

…Вернувшись домой, я напечатала фотографии с Донатасом. Всматривалась в снимки. Все у него в прошлом: работа в кино, в театре. Как жить без того, чему отдана жизнь? Вспомнила о листке с адресом. Хорошо, что я его сохранила. Снова какой-то необъяснимый порыв души: *«Напишу письмо. Поблагодарю еще раз за гостеприимство, пожелаю здоровья… Нет, письмо потом. Сначала завершу велопробег. Может, увижу что-нибудь интересное по дороге и расскажу ему об этом в письме».*

…Переделав домашние дела и навестив детей, я стала готовиться к продолжению веломарафона. Привела в порядок велосипед, уложила в рюкзак теплые вещи, все-таки середина августа, и на электричке отправилась в город, куда вот-вот прибудет группа. Погода солнечная, и это важно, потому что придется ехать по бездорожью, через лес, и, если пройдет дождь, велосипед будешь тащить на себе. Этот вяземский лес после дождя! Ямы, заполненные водой, вязкий песок, двадцать один километр по ухабам и рытвинам с велосипедом в руках.

За неделю мы проехали восемьсот километров, благополучно завершив путешествие в городе, который был конечной точкой нашего пути.

МЕГАПОЛИС, СЛОВНО ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, ЗАДЫХАЛСЯ В СМОГЕ. Машины, шум, толпы людей, нагромождение стеклобетонных зданий-офисов, зданий торговых центров, возвышающихся над церквями и когда-то купеческими и дворянскими домами. Всюду реклама. На фасадах и крышах домов, в метро, вдоль дорог. Все на продажу. Купи, купи, купи… Вечером восприятие города меняется. Попадаешь в фантастический мир световой рекламы, подсветок небоскребов… светящихся потоков движущихся автомобилей. Экспрессия света. Красиво. Вспоминаются кадры из *«Соляриса»* Тарковского в Акасакамицукэ. Проходящая в тоннелях и пробках жизнь людей, сколько остается времени на то, чтобы жить вне дорог, электричек, тоннелей?.. Наверное, к этому можно привыкнуть, кому-то нравится яркий, динамичный облик современных городов, и, может, город покажется унылым и скучным, если убрать все это великолепие? Не знаю. А у меня тогда было ощущение дисгармонии, усталости. Захотелось поскорее вернуться домой, к природе.

…Письмо я наконец-то Донатасу отправила. Рассказала о поездке. О том, что увидела. Заброшенные деревни, храмы в маленьких городах, места съемок фильмов *«Иди и смотри»,*

«Война и мир» и тот монастырь под Звенигородом, возле которого когда-то снимались сцены прощания Криса Кельвина с отчим домом.

Звенигород! Звени-гора. Старинный русский город. Расположен в 45 километрах от Москвы. В одной из версий его названия рассказывается, что во времена лихолетья колокольным звоном он давал знать Москве о приближающейся опасности. В городе, его окрестностях сохранились памятники архитектуры: церкви, усадьбы. История этих мест связана с именами русских князей и царей, иноземных завоевателей, с именами Андрея Рублева, Чехова, Танеева, Левитана, Любови Орловой. Столетие тому назад в Успенском соборе Звенигорода были обнаружены три иконы, приписываемые кисти Рублева: Спаса, Архангела Михаила и Апостола Павла. В последних кадрах фильма Тарковского «Андрей Рублев» появляется изображение этого Звенигородского Спаса. Образа не устрашающего людей Бога, милосердного и человечного. Недалеко от города, на возвышении, расположен Саввино-Сторожевский монастырь. В нем жил и работал Андрей Рублев. В соборе Рождества Пресвятой Богородицы частично сохранились фрески XV века художников рублевской школы и росписи XVII. Прикасаясь в полутьме к потускневшим от времени краскам, ощутила волнение – времена соприкоснулись. Как говорят исследователи творчества Рублева, биографические сведения о нем *исчерпываются немногочисленными данными.* Предполагают, что он учился в Византии, в Болгарии. И достоверно то, что был послушником у ученика Сергия Радонежского – Никона, был учеником иконописца Феофана Грека, работал во Владимире, в Троице-Сергиевой лавре, Москве. Старинные письменные источники называют Андрея Рублева *«смиренным иноком Андроникова монастыря»,* где-то там и место его захоронения.

Для меня самое гармоничное творение в мировой живописи – *«Троица»* Рублева. Икона создавалась во времена кровопролития, а от нее исходит свет доброты. Она наполнена солнечными красками жизни, светоносна. Размещенные по кругу фигуры ангелов выражают смирение и миролюбие. Сюжет религиозный, воспринимаешь же видимое как мирское, сравнивая с аналогичными по сюжету иконами того периода времени. Чувствуешь благодарность человеку, который сумел передать тебе свое светлое мироощущение, сумел выразить то, что волновало его современников, волнует людей сегодня и будет волновать в будущем, – желание мира и покоя.

Кто я таков? Что в мире зависит от меня? Способен ли любить, различать ложное и истинное? Как-то на вопрос: *«Что вы познали, прожив 83 года?»* Луис Бунюэль ответил, что он *отдал бы жизнь за человека, который ищет истину, и убил бы того, кто поверил бы, что он ее обрел.* Можно не согласиться в чем-то с этим утверждением, кто-то же верит, но изменится ли мир в лучшую сторону после обретения человеком истины, если другим она, бывает, и не нужна?

В философских словарях об истине говорится как о соответствии наших знаний действительности. В искусстве и в человеческом мире истина соотносится со стремлением человека к красоте, добру и совершенству. Вряд ли мы можем радоваться истинности того, что Земля вращается вокруг своей оси или того, что мир состоит из противоположностей. Чему сорадуется человек, или, как сказано в Первом послании апостола Павла к коринфянам, сорадуется любовь? В фильме Андрея Тарковского *«Андрей Рублев»* произносится это послание.

«…Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не имею любви – то я ничто… Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине…»

В самые жестокие времена бывает, что и один в поле воин. *«Русские люди уверовали в свою силу, в свое окончательное освобождение. Вот эту веру, это приближение перемен выразил в своем творчестве Рублев. Он прозрел утро в самый темный час ночи»,* – писал Андрей Тарковский о Рублеве.

На Западе в домах католиков и протестантов можно увидеть русские иконы. В чем причина? Только ли в моде на русское?

…Ответное письмо от Донатаса я не ждала. Но оно пришло. Не сразу распечатала конверт. Положила на стол и долго на него смотрела. Потом открыла. В нем слова благодарности за письмо и фотографии и снова пожелание: *«Будьте счастливы!»*

И вы будьте счастливы!

…Начался учебный год. Традиционно в Международный день туризма меня попросили провести в школе мероприятие. Я рассказала о своих путешествиях: путь Наполеона от Парижа до Москвы, поля сражений Первой и Второй мировых войн, Лувр, остатки Берлинской стены, дом Коха в Шенгене, Старый город в Варшаве, руины Гольшанского замка в Западной Беларуси… Столько пройдено, увидено, и все это связано с историей и искусством.

В дороге всякое случается. И на эту тему можно было рассказать не одну историю. Под Варшавой у меня сломался велосипед. Пересесть в машину сопровождения я отказалась. Группа поехала дальше, а я с польскими друзьями на их машине отправилась в город. Купила новое колесо и вернулась на злополучное место поломки. Двадцать шесть километров проехала, радуясь тому, что мне своевременно помогли в этой ситуации. Если замахнулась на весь пробег от Парижа до Москвы, нужно пройти каждый сантиметр этого пути.

…Благодаря путешествиям свои уроки я наполнила образностью и теми эмоциями, которые так важны в преподавании художественной культуры. Что я могла пожелать детям? *Любите жизнь! Замечайте красоту! Цените ее! Расширяйте свой кругозор! Дерзайте!*

…Постепенно жизнь входила в свою колею. После летних каникул, минимум неделю, ученики на уроках неусидчивы, рассеянны. Хочется сказать им: *«Ну ладно, уроков не будет. Идите гуляйте!»* И себя помню в таком возрасте. Порадуешься 1 сентября встрече с одноклассниками, а потом хандришь оттого, что лето прошло и нужно снова привыкать к школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.